

Маттиас Клинггенберг

Одна маленькая жизнь

В ПОИСКАХ СЛЕДОВ

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
К35

Matthias Klingenberg
EIN KLEINES LEBEN

Перевод с немецкого *Елены Коркиной*

Клингенберг М.

К35 Одна маленькая жизнь. В поисках следов / Маттиас Клингенберг ; [пер. с нем. Е. Коркиной]. — М. : КоЛибри, Издательство АЗБУКА, 2025. — 256 с. — (История войн и военного искусства).

ISBN 978-5-389-29591-9

Ещё маленьким мальчиком автор хотел знать, какую роль сыграл его дед Карл, солдат вермахта, во Второй мировой войне. Иногда дед позволял себе рассказать тот или иной эпизод своей военной биографии. Скупые рассказы были полны очарования и ужаса. Спустя семьдесят лет после окончания войны автор отправляется в путешествие по местам, где когда-то воевал его солдат-дед. Он узнаёт совсем немного нового о дедушке и гораздо больше о себе и своей семье. Места, люди, встречи, исторические реликвии говорят сами за себя и за целые послевоенные поколения, где бы ни происходили события: в Украине, Франции, Польше, Чехии, Западной или Восточной Германии.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-29591-9

© Matthias Klingenberg, first published in 2017

© Коркина Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

«Инстаматик»	7
Пролог, или «Йевер лихт»	9
Транспоколенческое молчание.....	17
#Напоминание.....	21
Кабинет деда	22
Военный отчёт. Часть I.....	30
Город-герой	38
#деревня.....	54
Гаденштедт/Баргфельд	56
Чёрно-белый групповой портрет.....	61
Надписи.....	72
Я разглядываю коробки	74
#Сон о Карле	82
Йоппен	84
Луккенвальде.....	90
Большцберг	101
9 мая 2015.....	118
Канистробомба.....	126

Кёнигсбрюк.....	134
Учения «Спирпойнт».....	148
Раньше колёса стучали	153
Праздники.....	164
Восемь неоновых трубок по 25 ватт.....	172
Военный отчёт. Часть II	183
Брюкс	200
Западный фронт	219
#Последний отпуск в Хапенклее, 1990.....	245
Воспоминания сгорают	247
Эпилог.....	252

«ИНСТАМАТИК»

В два счёта!

*КОДАК
КАМЕРА
ИНСТАМАТИК 100*

Вы будете в восторге от вашей новой камеры КОДАК. С «ИНСТАМАТИК 100» можно фотографировать и на улице, и в помещении, а цветные снимки получаются так же хорошо, как чёрно-белые. Зарядить фотоаппарат теперь проще простого.

Всего несколько шагов:

- откройте заднюю крышку — вставьте кассету КОДАПАК — закройте крышку;*
- прокрутите колёсико перемотки — всё готово к первому снимку;*
- наведите на резкость через яркий прозрачный видоискатель и...*
- снимайте!*

Плётка КОДАК № 126 в кассете КОДАПАК молниеносно вставляется и извлекается. Выбирайте плётку

по душе, чтобы получить цветные, чёрно-белые фотографии или слайды.*

От деда осталось два фотоаппарата — «Кодак Инстаматик 100» и «Цейсс Икон Неттар 515/2». Задавшись целью больше узнать о жизни деда, я решил отправиться по его следам и заново снять места, где он бывал, его же камерой. Вообще-то, по ряду причин мне следовало выбрать «Цейсс». Он сопровождал Карла на войне. Снятые на него снимки сыграли бы важную роль в моём исследовании и написании книги. И потом, он явно лучше «Кодака», купленного уже в шестидесятые и больше похожего на игрушку. И всё же я отказался от «Цейсса» по двум простым причинам. Во-первых, я никудышный фотограф — камера была бы сильнее меня. А во-вторых, я никогда не видел, как дед снимал им, а вот «Инстаматик» в его руках я помню прекрасно.

К сожалению, подходящую плёнку в кассетах сняли с производства ещё в 2007 году, так что пришлось покупать просроченную в интернете. Но я подумал, что, странным образом, это вполне в логике моей затеи.

* Из рекламы фотоаппарата «Инстаматик» фирмы «Кодак», 1960-е годы (*прим. авт.*).

ПРОЛОГ, ИЛИ «ЙЕВЕР ЛИХТ»

*Ведь когда приходишь к мёртвым,
навещаешь сам себя.*

Курт Тухольски. Замок Гринсхольм

Мой дедушка Карл Крюгер умер 17 мая 1993 года. Незадолго до этого, в пятницу, кажется, 7 мая, я получил аттестат о среднем образовании. Родители были на отдыхе, где-то на юге Германии, и мы бессовестно воспользовались отсутствием законных представителей, чтобы устроить вечеринку. Бабушка и дедушка жили на том же участке, что и мы. Их старый фахверковый дом фасадом выходил на улицу, а наш, новый, — в большой сад. Я до сих пор отчётливо помню их частью добродушные, а частью скептические взгляды и комментарии насчёт вечеринки, которую они лицезрели в течение нескольких дней. В какой-то момент бабушка (её звали Тони, и в паспорте имя было записано именно так) поднялась по небольшой лестнице, ведущей из старого дома в новый, и с видом страдальческим и мрачным попыталась испортить нам настроение, жалуюсь на шум и интересуясь, не пора ли моим друзьям и подругам, развалившимся на родительских ковре и диване, наконец, домой. Мне было неловко, что она отчитала меня перед ними.

Эти же выходные мы с Йоргом, моим одноклассником, решили выпить столько пива «Ханнен Альт», сколько потребуется, чтобы заставить пустыми бутылками пол на террасе. Когда мы, поглощённые процессом, сидели наверху,

дедушка прошёл через террасу в сад, быстро взглянул наверх и спросил, не пора ли отнести пару бутылок в контейнер для стекла. Смысл нашей затеи оставался для него недоступным.

Вероятно, следует упомянуть и о протекавших на ковре в гостиной продолжительных, но не слишком удачных попытках сблизиться с Николь — девушкой, глубоко повлиявшей на мои вкусы, особенно в том, что касалось музыки, одежды, искусства и, конечно же, женщин. Мы учились в одной параллели, и я восхищался ею уже несколько лет. «Восхищался» — не то слово: я её боготворил. Она олицетворяла собой всё, что представлялось мне загадочным, неконвенциональным, эксцентричным. У неё были странные друзья, она всегда носила чёрное и слушала музыку, которую никто из моих знакомых не любил и уж тем более не знал. В один из таких вечеров, где-то между получением аттестатов и смертью деда, она принесла несколько пластинок. Мы открыли бутылку терпкого красного французского из отцовского погреба, лежали на ковре, курили и слушали. Это был *Haus der Lüge*, «Дом лжи» — выпущенный в 1989-м альбом *Einstürzende Neubauten**. Он привёл меня в полное замешательство. Я помню, как мы больше часа обсуждали строчку «Gott hat sich erschossen. Das Dachgeschoss wird ausgebaut» — «Бог застрелился — чердак перестроят». Здесь стоит заметить, что всё это происходило не в городе, а в маленькой деревушке в Нижней Саксонии. Вероятно, во всём районе нашлось бы не больше десятка семей, которые можно было хоть как-то причислить к образованному среднему классу, наши в это число определённо не входили и не были свободны от предрассудков.

* «Айнштюрценде Нойбаутен», или «Разрушающиеся новостройки» (нем.) (здесь и далее — прим. переводчика).

Бог мёртв — прямота, с которой этот тезис звучал из родительских колонок «Блаупункт», тревожила нас ещё больше. Кстати, от альбома со стилизованным эякулирующим жеребцом на обложке годом ранее меня предостерегал пастор местной общины: аккуратно в новогоднее утро 1992 года мой одноклассник С. покончил с собой, его родители и пастор обвинили в дурном влиянии пластинку. Деревенский священник сообщил мне, что на стене комнаты С. висел гастрольный плакат с этой обложкой и вообще С. любил «Нойбаутен». Меня «Дом лжи» до самоубийства не довёл до сих пор, хотя сформировал привычку покупать альбомы группы всякий раз после релиза.

17 мая 1993 года был прекрасный день, светило солнце и в воздухе разливалось предчувствие наступающего лета. Выходные прошли под знаком алкоголя, наша с Йоргом затея заполнить террасу бутылками альтбира* в конце концов разбилась об усталость и была отложена на потом. Планов на понедельник по-прежнему не было, но никогда не знаешь, что за спонтанные встречи и возлияния могут настигнуть вечером или ночью. Я не помню, где был мой брат, что младше меня на пять лет. Может быть, у друзей? Со скаутами из отряда? Или он сидел напротив, когда я посасывал бутылку оставшегося «Ханнен Альта» и слушал чересчур громкую музыку через открытые двери террасы? Надо бы спросить: его воспоминания могут дополнить картину. Карл, вернее Калле (мы называли его дедушкой Калле, и то, что на самом деле его полное имя — Карл, я сообразил много позже), пришёл в сад, принёс из гаража раскладной стул, уселся и начал разгадывать кроссворд.

* Альтбир (нем. Altbier — старое пиво) — тёмное пиво верхового брожения, традиционно его варят в низовьях Рейна и Дюссельдорфе. Старым пиво стали называть с распространением технологии низового брожения. «Ханнен Альт» — одна из наиболее известных марок альтбира.

Потом к нему присоединилась Тони. Поглощённые раздумьями, они вписывали слова в кроссвордные клетки. В то воскресенье было непривычно тепло — я хочу подчеркнуть это, потому что в моих воспоминаниях этот факт занимает важное место. Дед был диабетиком, и, кроме того, после серьёзной операции на кишечнике (был ли это рак?) он ходил с пристёгнутым стомным мешком, отчего выглядел гораздо толще, чем был на самом деле. По этой причине ему было предписано воздерживаться от алкоголя, что он и делал: в течение многих лет пил только лёгкий «Йевер» (пиво фризской пивоварни с пониженным содержанием алкоголя), в какой-то момент бабушка присоединилась к нему в знак солидарности. Опустошение маленьких тонких бутылочек с зелёно-белой этикеткой превратилось для обоих в ежедневный ритуал. Мы с братом, как, впрочем, и родители, посмеивались над этой традицией, тем более что бабушка и дедушка не могли выговорить английское «лайт», поэтому в их исполнении напиток на немецкий манер назывался не «Йевер лайт», а «Йевер лихт».

Помимо диабета, у Карла были проблемы с давлением, он был инвалидом войны семидесяти с лишним лет. После операции на кишечнике даже при хорошем уходе ему давали самое большее пять лет. К 17 мая эти пять лет почти удвоились. И вот Карл Крюгер зовёт жену Тони, в браке с которой он уже почти 50 лет, и просит в виде исключения принести пшеничного пива из запасов моих родителей. Я помню, как бабушка разворачивается к нему и переспрашивает: «Ты уверен?». Он кивает — она идёт. Спустя четверть часа оба снова сидят на своих местах, Карл держит в руке большой стакан «Эрдингера» или «Франсисканера». Он делает глоток, встаёт и внезапно чувствует себя пехотиником.

Насколько я помню, остаток вечера проходит неприметательно. Последние дни дают о себе знать, и спать я отправляюсь довольно рано: скорее всего, смертельно уставший, забираюсь на кровать-чердак и минуту спустя блаженно засыпаю. Одно из трёх эркерных окон, выходящих на деревенскую улицу, приоткрыто. (Так я делаю до сих пор, иначе кажется, что вот-вот задохнусь.) Примерно в половине третьего я просыпаюсь от воя сирен. Звук такой громкий и близкий, что я вскакиваю и смотрю в окно. Там, внизу, на улице, стоит машина скорой помощи. Голубой свет отражается в оконном стекле. Сирену отключают: скорая добралась до места назначения.

Было абсолютно ясно: что-то случилось в доме бабушки и дедушки. О младшем брате, который спал в соседней комнате, я даже не подумал. Было ли у меня предчувствие? Предполагал ли я, что скорая могла приехать к бабушке? Или уже знал, что дедушка только что умер? Ретроспективно кажется, что знал, но правда ли это или время приукрасило воспоминания, теперь сказать невозможно.

По шведской стенке я спустился из эркера в нижнюю часть комнаты, преодолел ещё две лестницы и коридор, соединяющий новый дом со старым. Входная дверь распахнута настежь. Прихожая заставлена оборудованием неотложной помощи, вытянутая комната освещена мерцающим синим светом проблескового маячка. В кресле сидит бабушка Тони. Она выглядит одновременно встревоженной и сонной. Санитар сообщает мне предсказуемое и непостижимое известие и добавляет, что ввёл бабушке успокоительное. Брат тоже проснулся, прибежал и стоит рядом со мной. Покойный — наверху, в спальне, в супружеской кровати. Это был инфаркт. «Мы ничего не смогли

сделать: когда приехали, он был уже мёртв, — санитар пожимает плечами. — Мои соболезнования». Его коллега собирает оборудование и уносит в стоящую перед домом машину.

Кроме двух санитаров, из соседней деревни прибыл семейный врач. Он спрашивает меня, дома ли родители. «Нет, они на отдыхе», — отвечаю я. Бабушка, сидящая в кресле, на мгновение возвращается в реальность из забытья успокоительного: «Мы должны позвать ффрау Кюк! Я куда-то дела её номер». В нашей деревне ффрау Кюк и смерть были неразлучны, она руководила местным похоронным бюро — такой же «деревенской институцией», какой была парикмахерская усопшего. Санитары прощаются, выдвижная дверь металлически захлопывается, и машина отъезжает.

«Что ж, больше ничем не могу вам помочь. Зайду завтра, сделаю ей укол, — произносит врач. — Будет лучше, если вы позвоните каким-нибудь родственникам, чтобы кто-то приехал...» — добавляет он и уходит. Я смотрю на брата. Мы оба ошарашены. Никто не решается подняться наверх и посмотреть на покойника. Но и без покойника ситуация более чем сюрреалистичная. Может быть, я вижу всё это во сне?

Бабушка снова впадает в забытьё, успев повторить, что нужно позвонить ффрау Кюк. Я ищу номер похоронного бюро в телефонной книжке деда, но в конце концов он обнаруживается в местном справочнике. Зелёный телефон. Жужжание диска. Ффрау Кюк говорит, что зайдёт рано утром. Я пытаюсь дозвониться до тёти, живущей в паре деревень от нас. Глубокая ночь. Наконец заспанный голос. Её муж тоже обещает быть утром.

После наступила самая длинная ночь в моей жизни. Бабушка, мечущаяся между бодрствованием и апатией, —

то в ясном сознании, разумная и рассудительная, то снова где-то далеко, с застывшим взглядом. Всё было предельно странно: наверху — мёртвый дедушка, внизу — его не владеющая собой жена и оба внука.

Эта ночь была для меня инициацией. Тогда я стал взрослым.

Ранним утром — вероятно, мы задремали на диване — является распорядительница похорон с каталогом гробов. Тогда эти небольшие книжки с фотографиями были ещё в ходу. На один разворот помещается ровно два изображения: слева — гробы, справа — соответствующие им венки. Под каждой картинкой указана цена. Чем дальше листаешь, тем дороже гроб и затратнее убранство. (Интересно, сегодня эти бенефициары смерти приходят с планшетами и медленно листают модели гробов одну за другой?) Фрау Кюк профессионально оценивает непростую ситуацию, произносит: «Мои искренние соболезнования» — и объясняет, что сейчас «мы» должны сделать то и выбрать это. Такое «мы» преследует педагогические и коммерческие цели. Всё это вызывает у меня отвращение. Мы выбираем простой светлый деревянный гроб. Наверное, самую дешёвую модель. Острое нежелание отваливать деньги чуткой ффрау Кюк только укрепляет это решение. Кроме того, покойный не хотел бы потратить на свои похороны больше необходимого. Позже я выслушаю несколько критических замечаний от родственников, которые сочтут последний путь их отца слишком жалким. Но меня это не тронет.

Около девяти прибывает старшая дочь — моя тётя — с мужем и дом наполняется бессмысленной суетой. Дядя сидит в кресле, читает ежедневную газету и громко комментирует прочитанное. Мы оба — брат и я — снова дети, к которым не следует относиться слишком серьёзно.

Взрослая жизнь длилась недолго. Проходит ещё какое-то время, и наконец возвращаются родители. Смерть деда становится чем-то обыденным, тело кладут в гроб и быстро выносят.

Запах дезинфицирующего средства стоит в коридоре несколько дней (я помню его до сих пор). Сам человек, навсегда лишившись материальности, уже не играет во всех этих процедурах никакой роли. Под разговоры в стиле «жизнь-должна-продолжаться...» возвращается рутина повседневности.

После похорон мы с братом не идём пить прощальный кофе в деревенскую пивную — бессмысленный, пустой ритуал, недостойный произошедшего и покойного. Вместо этого мы берем велосипеды и едем к близлежащему карьеру.

ТРАНСПОКОЛЕНЧЕСКОЕ МОЛЧАНИЕ

Что я здесь делаю? Сижу за столом уже несколько недель, а то и месяцев, разглядывая старые чёрно-белые снимки, анализируя документы и записи, просматривая тенденциозные интернет-форумы и делая заметки в маленький красный молескин*. По воле случая я занимаюсь этим в столетнюю годовщину со дня рождения деда, которому и посвящено моё исследование. Правда, на круглую дату я обратил внимание лишь тогда, когда начал искать похожие темы, примеры и взгляды в работах послевоенного писателя Арно Шмидта. Он тоже родился в 1914-м. Не единственное, что их объединяет, но об этом позже.

Я хочу понять, где был мой дед Карл Крюгер во время Второй мировой войны, что он там делал, что делали с ним, но одновременно спрашиваю себя, почему хочу это знать. По сути, это вопросы первого послевоенного поколения, а вовсе не моего. Я родился в 1972 году. Допустим, это расплата за то, что подобных тем не касались родители, и мои поиски имеют догоняющий характер. Однако такая трак-

* Молескин (*итал.* Moleskine) — марка блокнотов, запущенных в производство в 1997 году. Молескины стали популярны благодаря минималистичному дизайну и легенде о том, что они наследуют блокнотам французской мануфактуры, которыми пользовались знаменитые художники и писатели, например Винсент Ван Гог и Эрнест Хемингуэй.

товка не кажется убедительной, ведь тогда получается, что я не сидел бы здесь, задай родители бабушке с дедушкой вопросы, вынудившие последних вступить в дискуссию. А может, и правда не сидел бы? И мой сегодняшний интерес к жизни деда был бы иным, случись в юности диалог, открытый разговор трёх поколений о прошлом. Но диалога не случилось: родители не спросили, незаданные вопросы не получили ответа, тема осталась в пространстве умолчания.

На самом деле, это история про вину и страдание, но также про осознание. Эмпатию, сопереживание, стремление понять. Кажется, проклятье поколения наших бабушек и дедушек не отпускает нас до сих пор, не только как пресловутая ответственность и коллективная вина немцев, но психологически, индивидуально. Мрачная тень, едва заметная, почти неуловимая, как будто потерявшая связь с тем, что её породило, нависает над нами. По крайней мере, так я ощущаю это теперь.

Впервые с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколение, я столкнулся в связи с геноцидом армян. В проекте армяно-турецкого примирения, координатором которого я был с 2009 по 2013 год, мы пытались сблизить молодых взрослых из обеих стран через работу со свидетелями*. Под научным руководством участники проекта проводили интервью с пожилыми армянами и турками. В Армении нам удалось собрать и расшифровать более ста интервью длительностью до двух часов. Так был создан целый архив устных историй. Тогда меня поразило, насколько подробно люди помнили то, чего не пережили сами, да даже

* Беседы со свидетелями, участниками и современниками событий — ключевой метод устной истории. И хотя многие люди, дававшие интервью, не были современниками геноцида армян, автор называет их свидетелями, указывая на то, что они остаются носителями транспоколенческой травмы и в определённом смысле продолжают переживать эту трагедию.

то, чего не переживали их родители. Некоторые собеседники были так молоды, что делились воспоминаниями прабабушек и прадедушек. И это логично, ведь преступления были совершены около 1915 года, то есть память о них передавалась на протяжении четырёх поколений. С турецкой стороны — стороны тогдашних преступников — ситуация была очень похожа на нашу: чуть больше, чем ничего.

Через истории убийств, изнасилований и депортаций армяне рассказывали прежде всего о глубоко укоренившейся транспоколенческой травме. Существуют исследования, описывающие, как по мере удаления от события травматическое переживание может не только не ослабевать, но даже усиливаться. Наши интервью производили именно такое впечатление. Истории всё больше и больше опирались на культурную память нации, а доля воспоминаний, действительно переданных предками, сокращалась.

Социальный педагог Кристина Тамбке указывает на то, что чувства, связанные с травмой, а также их проработка делегируются следующим поколениям. Это справедливо для опыта армян, но также для того, что исследую я. Перенесённые и причинённые страдания, не ставшие предметом обсуждения, отсутствие возможности проработки прошлого и примирения с ним приводили и продолжают приводить к замалчиванию эмоций, за которым скрываются перенесённые травмы. Это затрагивает и тех, кто растёт в подобной атмосфере. Эмоционально замкнутые родители, бабушки и дедушки воспитывают таких же замкнутых детей. Выбатывается механизм вытеснения, охватывающий несколько поколений. Не имея собственного травматического опыта, дети неосознанно присваивают опыт родственников и включают в свою идентичность. Так страдания становятся чужеродной частью их собственного «я». Поскольку сама травма уже не осознаётся, её ещё сложнее распознать и проработать. В семье появляется негласное правило: о травме

и её наследовании не говорят. Передача травмы и обет молчания превращаются в наследственную болезнь. При этом проблема не признаётся, а ограниченная способность к эмоциональной коммуникации становится нормой. В такой атмосфере рос я сам, в похожей, по-видимому, выросли мои родители.

Я всё ещё пытаюсь объяснить самому себе, почему я сижу здесь, почему изучаю жизнь деда, почему хочу знать, где он был в промежутке между маем 1942 года и окончанием войны. Об этом времени нет никаких сведений. Как будто всё стёрто, уничтожено. Может быть, я хочу понять, почему в моей семье всё было так, как было. Может быть, хочу объяснить самому себе, почему я такой, какой я есть, и не могу быть другим.

#НАПОМИНАНИЕ

Я встаю и утопаю в трясине воспоминаний
Стены комнаты увешаны стикерами моей памяти
Они шепчут: «Ностальгия приносит уют»
Их сверлящие взгляды сжимают мне горло
Вот бы бросить их в огромную коробку и спрятать
в подвал

Но они так яростно защищаются, они кричат: «Не тро-
гай нас! Оставь, где мы есть!»

Угрожают, что вырвутся и расскажут всю правду
Я оставляю их там, где нашёл, попытаюсь смотреть мимо
и сквозь

Иногда я сажусь в другой комнате, чтобы скрыться
от них

Но меня снова тянет обратно

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Маттиас Клингенберг
ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ
В поисках следов

Редактор *А. Мотина*
Выпускающий редактор *Т. Маслова*
Технический редактор *Л. Синецына*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Корректоры *Е. Соболева, Л. Асанова*
Компьютерная вёрстка *Ю. Фролкиной*

Фотография на четвёртой стороне обложки:
shutterstock_785840617.

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.06.2025.

Формат 60×88 1/16. Гарнитура «NewStandard».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,68.

Тираж 3000 экз. О-НМА-38718-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ –
обладатель товарного знака «КоЛибри»	«КоЛибри» тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басым шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестірін растау туралы мәліметтер ді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

